

Алексей Иванович Пантелейев. Часы.

С Петькой Валетом случай вышел.

Гулял Петька раз по базару и разные мысли думал. И было Петьке обидно и грустно: есть хотелось и не было денег даже колбасных обрезков купить.

И негде было достать.

А есть хотелось ужасно.

Попробовал Петька гирю украсть. Но гирю укraсть ему не позволили.

Гирей

стукнули Петьку слегка по затылку.

Пошел Петька дальше.

Попробовал кадку укraсть. И с кадкой попался. Кадку оставил и дальше пошел.

И вдруг видит бабу. Толстая баба стоит на углу и торгует пампушками. И пампушки в ее решете - румяные, пышные, дым от пампушек идет.

Задрожал Петька и подошел ближе. И ничего особенного не сделал, только

взял пампушку, понюхал и положил в карман. И даже обидного ничего не сказал

той бабе, а повернулся и тихо, спокойно пошел прочь.

А баба за ним. Баба шуметь стала и хвататься за Петькины плечи. Баба кричать стала:

- Вор! Отдай пампушку!

- Какую пампушку? - спросил Петька и дальше пошел.

Но тут уж толпа поднаперла. Кто-то Петьку за глотку схватил, кто-то коленкой сзади ударил, повалили, намяли бока. И огромной толпой потащили

Петюшку в милицию. В базарный пикет.

Притащили - к начальнику:

- Так, мол, и так. Познакомьтесь: вор малолетний. Пампушку украл.

Начальнику некогда было. Начальник знакомиться с Петькой не стал, велел

посадить Петьку в камеру.

Сунули Петьку в камеру: сиди!

Сидит Петька в камере на грязной, замызганной лавке, сидит не шелохнется и в окно глядит. А на окне решетка. А за решеткой небо. Ясное такое небо, чистое, голубое, словно воротник у матроса.

Смотрит Петька на небо, и горькие мысли лезут ему в башку. Невеселые мысли.

"Ой, - думает Петька. - Жисть ты моя жистянка. Опять я, бродяга, засыпался. Нехорошо засыпался. С пампушкой".

Невеселые мысли. Разве весело, когда человек с позапрошлого дня хлеба

не нюхал? А за решеткой охмуряться приятно? Небом любоваться интересно? Было бы за дело, а то - тьфу! - пампушка какая-то.

Ну, ясно, расстроился Петька. Глаза зажмурил, решил судьбы дожидаться.

Только решил он судьбы дожидаться - слышит стук. Громкие такие удары. И не в

дверь, а в стенку, в деревянную переборку.

Встал Петька. Глаза разожмурил, прислушался.

Определенно кто-то кулаком переборку ломает.

Подошел Петька к стене, заглянул в щель. Видит Петька - стены каменные,

лавка, окно с решеткой. Окурки на полу. А человечьих следов не видно. Пусто.

Никак невозможно понять, откуда идет этот стук.

"Что, - думает Петька, - за дьявол стучит? Гвозди заколачивают, что ли? Или давят клопов?.."

Подумал это и слышит голос. Бас. Мутным этаким басом кричит из угла человек:

- Пом-могите! Мам-мочки!

Кинулся Петька в угол, к печке. У печки щель. Видит Петька - тыркается в щель нос. Под носом шевелится ус. И черный косоватый глаз печально смотрит

на Петьку.

- Мам-мочки! - мычит бас. - Голуби драгоценные. Отпустите меня за ради бога.

А глаз, как таракан, бегает в щелке.

"Что, - думает Петька, - за чудик такой? То ли псих, то ли пьяный? Ну факт, что пьяный - вон ведь как разит... Фу!.."

А разит действительно здорово. Течет по камере дух, не поймешь, самогонный ли, водочный ли, но здорово крепкий.

- Мам-мочки! - гудит пьяный. - Мамочки!

А Петька стоит, смотрит, и совсем неохота ему с пьяным в разговоры вступать. Другой раз непременно бы связался, а тут - скучно. Сказал только:

- Чего орешь?

- Отпусти, голубь, - говорит пьяный. - Отпусти, ненаглядный!

Вдруг как взвизгнет:

- Ваше благородие! Господин товарищ! Отпустите вы меня! Меня детки

ждут!

Смешно Петьке.

- Дурак, - говорит. - Как я тебя могу отпустить, когда я такой же арестант, как и не ты? Где в тебе разум?

И вдруг видит Петька: просовывает пьяный сквозь щель ладонь, а на

бородавчатой его ладошке лежат часы. Золотые часы. Чистокровные. С цепкой. С

разными штучками и подвесными брелоками.

Выворачивает пьяный свой косоватый глаз и говорит шепотом:

- Товарищ начальник! Отпустите меня, я вам часики подарю. Глядите, какие славные часики... Тикают...

А часики, верно: тик-так, тик-так.

И сердце у Петьки: тик-так, тик-так.

Схватил Петька часы и - в угол, к окну. От радости дух захватило, кровь в головешку ударила.

А пьяный рукой замахал. И вдруг орать начал.

Как заорет:

- Кар-раул!

Как затопает, заблажит:

- Карапул! Ограбили! Ограбили!

Испугался Петька, забегал. И кровь у Петьки обратно к ногам побежала. И пальцы быстро-быстро цепочку теребят, а на цепочке разные штучки болтаются и

подвесные брелочки бренчат. Слоники разные, собачки, подковки и между всем -

зеленый камень-самоцвет в виде груши.

Отцепил Петька цепку со всем барахлом, сует пьяному.

- На! - говорит. - На! Возьми, пожалуйста!

А пьяному память вином отшибло. Он уже забыл про часы - цепочку берет.

- Спасибо, - говорит, - спасибо, голубь драгоценный!..

И тянется через щель Петьку погладить. И губы выпячивает через щель.

Чмокает как поросенок:

- Мамоч-чки!

А Петька опять у окна. И кровь снова бежит в головешку. Шумит голова.

"Эх, - думает Петька. - Подвезло!"

Разжал он кулак, поглядел на часики. За решеткой на ясное небо солнце вышло. Засияли часики в Петькиной руке. Дохнул он на них - помутнело золото.

Рваным рукавом потер - снова сияют. И Петька сияет.

"Верно, - думает, - говорят умные люди: нет худа без добра. Ведь этакую штучку заимел. За такую штучку любой маклак полета монет отвалит. Да что

полета... Больше!.."

Закружилась у Петьки башка. Замечтался Петька.

"Куплю я, - думает, - перво-наперво булку. Огромадную булку. Сала куплю. Буду булку салом заедать, а запивать буду какавом. Потом колбасы

куплю цельное колечко. Папирос наилучших куплю. Из одежи чего-нибудь...

Клеш, френчик. Майку полосатую... Штиблеты. Э, да чего там мечтать, теперь
бы отгавкаться только, а там..."

Действительно, все хорошо, одно только нехорошо - сидит Петька.
Сидит

Петька в камере, как мышь в банке: на окне решетка, на дверях замок. И счастье в руках, а не вырвешь. Крепко припаян парнишка.

"Ну, - думает Петька, - все равно. Наплевать. Просижу как-нибудь до вечера... Не помру. А вечером, базар отторгнет, - выпустят".

Вечером-то выпустят, знает Петька, - не впервой. Было дело. Только до вечера еще ух сколько ждать! Еще солнце по небу гуляет, разгуливает.

Поглядел он в последний раз на часики и спрятал их в драный карман. Карман узелком завязал для верности, сердце успокоил.

А за переборкой окончились крики и стуки, щелкнул замок, и не успел Петька глазом моргнуть - отворяется в его камеру дверь, входит молоденький

милиционер, черненький такой, кучерявый и говорит:

- А ну, выметайся, шпана!

Ужасно обрадовался Петька. Испугался даже. Вскочил, подтянулся

портчонки

и быстро вышел из камеры. Кучерявый за ним.

- Шагай, - говорит, - шпана, до начальника.

- Ладно...

Идет Петька к начальнику. Сидит начальник за зеленым столом, держит бумажку в руках и бумажкой играет. Гимнастерка на нем расстегнута, шея

красная, и от шеи пар идет. Курил начальник и дым в потолок пускает кольчиками.

- Здорово, - говорит, - маленький вор.

- Здорово, - отвечает Петька.

Смирный такой стоит. Скромный. Улыбается и безвредно на начальника

смотрит. А начальник кольчики пускает и в бумажку поглядывает.

- Скажи, - говорит, - гражданин хороший, какого ты года рождения?

- Года рождения не знаю, - отвечает Петька, - а годов мне одиннадцать.

- Ну, а который, скажи, пожалуйста, раз ты у меня в пикете гостишь?

Седьмой, кажись?

- Нет, - отвечает Петька. - Кажись, пятый только.

- А не врешь?

- Может, и вру... Не знаю. Вам видней.

Спорить не хочет Петька. С начальником спорить - гиблое дело. Ладно.

Седьмой, так седьмой. Черт с ним.

"Волынки, - думает, - меньше, если не спорить. Отпустит скорей".

А начальник бумажку на стол положил, рукой прихлопнул и говорит:

- Резолюция моя, - говорит, - такова: ввиду твоей малолетней

несознательности отослать тебя на предмет воспитания в дефективный приют.

Понял?

Охнул Петька. Закачался. Обомлел. Оглоушили Петьку начальниковые слова,

словно кирпичом по башке стукнули. Не ожидал он таких слов. Совсем не

ожидал.

Очухался, однако ж, голову поднял и говорит:

- Ладно, - говорит. - Что ж...

- Согласен? - спрашивает начальник. Смеется, будто не понимает, до чего тяжело Петьке и грустно. До чего не смешно. До чего плакать хочется.

Ай, Петя, Петя, не везет тебе, Петя Валет!

А тут еще хуже. Тут совсем уж крышка. Гибнет Петька.

Подзывает начальник кучерявого милиционера и наказывает ему обыскать

Петьку с головы до ног.

- Обыщи его, - говорит, - с головы до ног, нет ли при нем оружия или в крайнем случае ценных предметов. Обыщи формально.

Шагает кучерявый на Петьку, у Петьки сердце замирает, ноги у Петьки дрожат, как студень.

"Прощай, - думает Петька, - ценный предмет!"

Но, на Петькино счастье, кучерявый дурак попался. Брезглив. Посмотрел он на Петьку и говорит:

- Ей-богу, - говорит, - товарищ начальник, тошно к такой шпане руками прикасаться. Освободите, сделайте милость... Я сегодня в бане парился: Белье

сменил. Да и что в нем, по существу, есть? Вошь в кармане, блоха на аркане... Не больше.

Петька последние силы собрал, усмехнулся печально, глазом мигнул.

"Верно, дескать. Угадали".

А сам думает:

"Ничего себе блоха. Блоха, - думает, - что надо!"

И незаметно пальцем одним карман щупает, а в кармане трепыхается что-то, стучит нешибко, будто сердце в кармане лежит или рыба живая. Часики

в кармане лежат.

Ну, а начальник милиционера пожалел или, может быть, ему скучно стало,

только махнул он рукой и говорит:

- Ладно, - говорит, - можно отставить. Можно, - говорит, - без обыска обойтись. Неважно.

Написал чего-то в бумажке, печатью прилепнул и кучерявшему бумажку прятанул.

- Вот тебе, - говорит, - товарищ дорогой, квитанция. Пойдешь с этой квитанцией до Введенской улицы и сдашь оногого шкета в приют Клары

Цеткин{302}. Под расписку.

Встал начальник, зевнул и из комнаты вышел.

С Петькой начальник попрощаться забыл.

А кучерявый сунул квитанцию в папку, вздохнул и наган к животу привесил. Еще раз вздохнул и картуз надел.

- Ну, - говорит, - шпана несчастная, поехали!

Подтянул Петька портчонки, - поехал!

Идут они прямо через базар, через самую давку. Базар шумит, конечно...

Люди разные ходят, покрикивают. Смеются люди, ругаются, песни поют.

Где-то

баян гудит. Гуси какие-то стонут. Шумно. Только Петька шума не слышит.

у

Петьки план на уме.

"Смыться, - думает Петька, - необходимо".

Бежит он собачьей рысью через базар, распихивает торговцев и неторговцев, шманает глазами по сторонам и все думает, все размышляет:

"Необходимо смыться... Формально необходимо".

Только где же тут смоешься, когда кучерявый сзади словно хвост прицепился. Не отстает кучерявый, пыхтит самосильно и Петьку из виду

не

выпускает.

Вот и базар миновали. А Петька не смылся.

Расстроился Петька. Голову свесил и мельче шагать стал.

И вот кучерявый Петьку нагнал.

Качается кучерявый, стонет.

- Ой, - говорит, - замотал ты меня, шпана. Ну разве можно так бегать?

Ну не могу я так бегать, у меня почки слабые.

Молчит Петька, не отвечает. Очень ему интересно, какие у милиционера почки! Не до почек Петьке. Взгрустнулось что-то. Идет себе Петька, голову свесил.

А кучерявый отышался кое-как, шаг подравнял и вдруг спрашивает:

- А скажи по совести, шпана: хотел ты сигануть от меня на базаре?

Вздрогнул Петька, голову поднял.

- Что такое, - спрашивает, - сигануть? Я даже и слов таких не понимаю.

- Брось ты... Оставь... Замечательно понимаешь. Хотел небось убежать?

- Убежать?!

Рассмеялся Петька.

- Ошибаетесь, - говорит. - Бегать мне, - говорит, - смысла нет. Силом заставите - и то не побегу...

- Да неужели? - удивился кучерявый. - Неужели, - говорит, - не побежишь?

Остановился вдруг, огляделся, бровь почесал и вдруг папкой своей махнул:

- А ну беги!..

Дернуло Петьку. Прямо-таки дернуло. Словно коленкой его кто-то сзади пихнул, - задрожал весь. Бежать уж собрался и вдруг поглядел: смеется кучерявый.

"Ага, - думает, - на пушку ловишь? Ну, нет, брат... Знаем мы эти фольтики. Не поймаешь!"

Усмехнулся и говорит серьезно:

- Напрасно, - говорит, - кровь портите. Все равно не побегу. Хоть убейте, не побегу. Желания не имею.

- Да почему? - спрашивает милиционер.

Смеяться перестал. Петьку разглядывает. А Петька как загорловит во весь голос:

- Да потому, - говорит, - что никакого полного права не имеете бегать меня заставлять. Отвязаться хотите? Нет, не отвяжетесь! Ведите меня куда

по

закону следовает, а не то я жаловаться буду.

Сказал и сам испугался.

"Чего, - думает, - сказал?! Опупел, бродяга..."

А кучерявый-то сдрейфил, видно... Смутился. Руками замахал.

- Да что ты! - говорит. - Да разве я что!.. Идем, пошутил я.

- Знаю, - говорит Петька, - какие это шутки. Не очень-то шутки. Бежать подбиваете? Да? Лень человека до приюта проводить? Да? Шутки? Права не

имеете шутить!..

Разошелся Петька. Кричит, руками размахивает. Люди, которые мимоидущие,

удивляются даже. Что за дьявол? Стоит посреди улицы маленький рыжеватый

парнишка, орет во всю глотку, ругается, а рядом милиционер топочется, красный весь, глазами хлопает, и папка под мышкой дрожит.

Умоляет кучерявый не кричать Петьку. Просит спокойно идти.

- Идем, - говорит. - Идем, пожалуйста.

Покочевряжился Петька - пошел.

Идет без оглядки, хмурится, губы дует, а самому смешно, сам про себя хохочет.

"Ловко! - думает. - Ловко я его поднапугал. Ай да кучерявый! Ну и дурак!"

А кучерявый с испугу, должно быть, еле идет. Еле за Петькой поспевает. Молчит, однако, помалкивает. Вздыхает только да поминутно пот с лица смахивает. А Петька для смеха еще подгоняет его.

- Ну что, - говорит, - вы так тихо идете? Гуляете, что ли? Нельзя ли

слегка поднажать?

- Не могу, - отвечает. - Ей-богу, не могу. Почки не позволяют. У меня почки слабые, жары боятся. А я, понимаешь, еще в баню сходил.

Понимаешь,

попарился. Так что прямо умираю, до чего пить охота.

И вдруг увидел кучерявый какую-то чайную. Какой-то там "Милан". С крыльцом и с большой размалеванной вывеской.

Остановился и говорит:

- Ой, - говорит, - зайдем, пожалуйста, выпьем чего-нибудь.

- Нет, - говорит Петька. - Не стоит.

- Стоит. Ей-богу, стоит. Нутро у меня горит, пить жажду. А тут сельтерской можно выпить или чая. Или там квасу. Сделай милость, шпана

дорогая, зайдем?!

Задумался Петька, рукой махнул.

- Ладно, - говорит. - Идите. Недолго только.

- А ты?

- А я, - говорит Петька, - не пойду. Я, - говорит, - привычки не имею по трактирам шляться... Идите одни.

Смутился кучерявый и говорит. Робко так говорит:

- А ты не сиганешь?

- Опять?!

Рассердился Петька.

- Опять, - говорит, - подбиваете? Да?.. Коли так, волоките меня без разговоров в приют. Поняли? Без никаких чаев!..

- Ну-ну, - говорит кучерявый, - не сердись. Я это так, на всякий случай. Я знаю, что ты не побежишь. Ты парень с понятием...

- Ладно, - говорит Петька. - Некогда мне с вами рассусоливать. Хряйте без лишних слов.

И что вы думаете? Похрял кучерявый. Петьку у крыльца оставил, а сам чай

пить ушел. В "Милан".

Поглядел ему Петька вслед, усмехнулся.

"И верно, - думает, - очень неумный мильтон".

Усмехнулся и без лишних слов сиганул.

Завернул Петька за угол и побежал. Побежал, полетел. На крыльях летит, с пропеллером. Только пыль волной, только сердце стучит. А ветром лицо режет.

Бежит, бежит Петька. А навстречу дома, заборы, проулки бегут. Столбы телеграфные бегут. Люди... Козы... Коровы.

Бежит Петька - дух захватило.

Долго ли бежал - неизвестно. Куда забежал - не знает. На окраине где-то

города стал. У какой-то церкви.

Стал, отдохшался, в себя пришел. Огляделся и сам не верит:

"Неужели смылся?"

Радостно стало. Весело. Снова бежать захотелось. Прямо от радости бежать захотелось.

"Смылся ведь!.. Смылся, бродяга!!!"

И вдруг еще веселее стало. О часиках вспомнил. "Ах, - думает, - часики мои, часики. Где вы, часики?"

Сунул руку в карман... Мать честная! Нет часов. Туда-сюда - нет часов. Пропали часы.

Что будешь делать?

Сунулся Петька еще раз в карман, глядит - и кармана-то нет. На нитке висел карман, оторвался, наверно, от тяжести. Вокруг посмотрел - пусто. Штанину потряс - и в штанине нет.

Загрустил Петька. Приуныл. К церковной ограде привалился и чуть не заплакал.

"Ах, черт! Ведь надо ж этак".

Отчаянно не везет Петьке на этом свете.

Но не заплакал Петька. Нет. Знает Петька: слезы - дело бабье. Приличному шкету плакать не полагается. Пропали часы - искать надо.

Обратно побежал.

Обратно побежал, да толку мало, - дорогу забыл. Где бежал, не знает. Без оглядки бежал, запутался... Спросить у кого-нибудь надо.

Стоит у ворот детина. Громадного роста. В солдатских галифе. Семечки плюют. Петька к нему:

- Дяденька, а дяденька!

- Чего? - говорит детина.

- Не знаете, дяденька, где тут чайная "Милан"?

- Нет, - говорит детина. - Не знаю. Какой "Милан"?

- Да такой. С вывеской.

- С вывеской? А! Ну, тогда знаю.

- Где?

- А тебе зачем?

- Да надо... скажите, дяденька, Христа ради.

- Ну ладно, слушай. Иди все прямо. Понял? Потом налево. Понял?

Потом

направо. Понял? Потом опять прямо. Потом вбок. Потом набок. Не доходя,

упрешься. Понял?

Не понял Петька.

- Как? - спрашивает. - Как? Направо, налево, а потом?

Взглянул Петька на детскую и сразу догадался:

"Измывается, бродяга!"

Разозлился Петька. Обиделся. Как даст по руке детскому - у того все семечки к черту. Побежал Петька.

Бежит и бежит. И сам не знает, куда бежит. По улицам, по переулкам. Через мост какой-то. Обратно.

И вдруг на какую-то уличку выскочил, какую-то дырку в заборе увидел - вспомнил: здесь пробегал. Дырку вспомнил.

Идет Петька, под ноги глядит. Часы ищет. Упорно ищет. Во все колеи заглядывает, в рытвины заглядывает, в канавы... Нет часов! Ни в какую. Подобрал кто-нибудь Петькины часики.

Закачался Петя. Очумел. До "Милана" кое-как доплелся и сел на крыльцо. Сел на крыльцо, голову свесил. Жить не хочет.

Сидит Петька, словно пень неподвижный. Злой сидит. Хмурый. Хмуро

в

землю глядит.

И вдруг - что такое?

Нагнулся Петька, глазам не верит.

Что такое?

Ведь это же узелок с часиками лежит у ступеньки. Ей-богу, лежит. Как миленький лежит узелок.

Задрожал Петька и схватил узелок. И только схватил, выбегает из чайной кучерявый.

- Сидишь? - говорит.

Испугался Петька.

- Сижу, - говорит. И часики прячет. В дырку прячет, в бывший карман.

- Молодец, - говорит кучерявый. - Молодец, что дождался. Ценю. Не ожидал я в тебе такой честности.

Вынимает кучерявый какой-то пирожок подгорелый. Подает Петьке.

- На, - говорит, - тебе за такую сознательную честность пончик. Прими, пожалуйста. Специально для тебя гриневник загубил. От чистого сердца.

Взял Петька пончик, понюхал, проглотил незаметно, в себя пришел.

- Ладно, - говорит, - пончик пончиком. А почему вы так долго чаи распивали? А? Я, кажется, не напоминался ждать вас по три часа.

- Ладно, - говорит кучерявый. - Не сердись. Выпил я всего шесть стаканчиков. Съел булку. А теперь и идти можно. Идем, пожалуйста, шпана

ненаглядная.

Подтянул Петька портчонки - пошел.

Идут они быстро. Бодро. Особенно кучерявый. Кучерявый, так тот прямо

бежит. И на почки свои внимания не обращает. А Петька украдкой часы куда-то

запихал. В заплатку какую-то, что ли... Грустить перестал. Такой человек Петька - неунывающий.

"Все равно, - думает. - Наплевать. Здесь не вышло, там выйдет. С приюта смоюсь".

Вышли они на широкую Введенскую улицу. С крутым подъемом.

Кучерявый пальцем показал.

- Видишь, - говорит, - на горе стоит дом? Белый. Под зеленою крышей. Тот дом под зеленою крышей и есть приют Клары Цеткин. Пришли, слава богу...

Действительно, дом белый, крыша зеленая. Трубы на крыше. Окна там всякие, ставни - все честь честью. Палисадник даже. В палисаднике тополя пыльные.

Двор. Ограда каменная. Калитка.

Кучеряный в калитку постучался. За оградой пес залаял, цепь зазвенела.

Грустно стало Петьке ужасно. Вздохнул Петька.

"Приют? - думает. - Ничего себе приют. Тюрьма какая-то... На замочках все да на ключиках. Отсюда и не смоешься, пожалуй".

Открылось в калитке окошечко маленько - глазок. Выглянуло кто-то в окошечко. Косоглазый кто-то. Не то татарин, не то китаец, не то монгол.

- Кто? - спрашивает. - Кто такой стучится?

- Откройте, - говорит кучеряный. - Не бойтесь. Ничего особенного.

Малолетнего вора ведут.

Окошко захлопнулось, в скважине ключ заерзal. Распахнулась калитка, косоглазый русским оказался...

- Здравствуйте, - говорит. - Милости просим. Заходите.

Вошли. Собака бросилась. Лает, язва, рычит.

Цыкнул на нее косоглазый.

- На место, Король!

- Проходите, - говорит, - в контору к заведующему - по лесенке во второй этаж.

Пошли через двор. И сразу кучеряный важности напустил: наган поправил

и

по-военному зашагал: раз, два, левой!

А Петька идет, озирается. Двор громадный, щебнем по краям усыпан; сквозь щебень крапива, лопух растет, всякая гадость.

В открытые окна ребята глядят. Петьку разглядывают.

Слышил Петька:

- Ребята, фрея ведут!

"Что, - думает Петька, - за фрей еще? Какой я фрей?"

По лесенке поднялись в контору. В конторе какой-то маленький и чернявенький хлопчик сидел на полу и кисточкой рисовал на громадной бумагине

красную пятиугольную звезду.

- Здравствуйте, - сказал кучеряный.

- Здравствуйте, - ответил чернявенький хлопчик, очень важно и басом. - Вам заведующий требуется?

- Заведующий, - сказал кучеряный.

- Федор Иванович! К вам... - кричит чернявенький, а сам Петьку разглядывает с ног до головы и насмешливо улыбается.

Выходит из соседней комнаты Федор Иванович, заведующий.
Человек

плешивенький, очкастый и седоват слегка.

- Так, - говорит. - Здравствуйте. Новенького привели?

- Новенького, - отвечает кучерявый. - Здравствуйте. Примите, пожалуйста, под расписку.

- Расписку? Так... получите... Так... Можете идти.

Взял кучерявый расписку, поглядел.

- Прощайте, - говорит. - Прощай, шпана.

Ушел кучерявый.

Федор Иванович за стол уселся. Петьку оглядел.

- Звать тебя Петром? - спрашивает.

- Петром, - отвечает Петька. И фамилию назвал.

- Так, - говорит Федор Иванович и спрашивает: - Вор?

Покраснел Петька. Сам не знает, почему. Чудной какой-то этот Федор Иванович.

- Вор, - отвечает.

- Так... - говорит Федор Иванович. - Это ничего. Это бывает. Поживешь - человеком будешь. А сейчас тебя первым делом в должный вид привести надо.

Так... Миронов, отведи новичка к Рудольфу Карлычу.

Вскочил чернявенький хлопчик, кисточку бросил, руки вытер.

- Идем, - говорит, - пацан.

Идут они по разным коридорам. Темновато. Лампочки угольные тлеют.

Двери

белые по сторонам.

- Это, - говорит чернявенький, - классы у нас тут помещаются. Уроки происходят.

- А куда ты меня ведешь? - спрашивает Петька.

- К санитару Рудольфу Карлычу. Мыть он тебя будет.

- Мыть?

- Ну да. В ванне.

Постучал чернявенький в какую-то дверь.

- Рудольф Карлыч! Примите новенького!

Вышел толстенный дядя в белом халате. Уши у дяди громадные, голос жирный. Немец, должно быть. Санитар.

- Нофеньки? - спрашивает. - Это очень мило, - говорит. - Идем в ванную, пока вода горячий.

Потащил Петьку в эту самую ванную. Притащил.

- Растирайся, - говорит.

- Что?

- Растирайся. Мыться будешь. С мыло и щетка.

Стал Петька с себя барахло сдирать. Полегоньку сдирает.

"Как бы, - думает, - часики не выскользнули".

А санитар, между прочим, говорит:

- Ты это все оставляй. Да. Мы твою кустюм в печка сожгем.

Испугался Петя. За штанишки ухватился.

- Как то есть? - спрашивает. - Как то есть в печка?

- Да ты не пойся. Мы тебе другая костюм выдадим. Чистый. Чистый брючка,

чистый блузка и даже сапожка дадим.

Что делать Петьке?! Сидит Петька совершенно нагишом, сжимает в руках

грязное свое барахлишко и дрожит. Не от холода, конечно. Тепло в ванной, жарко. От страха дрожит.

"Ну что, - думает, - мне делать? Погибать?"

А погибать Петьке прямо не хочется.

На Петькино счастье, немец вышел куда-то. Не долго думая, развязал Петька узелок и сунул свои золотые часики в рот. С усилием впихнул. Чуть рот

не разорвал своими золотыми часиками. Щеки вспухли. Язык куда-то в постороннее место вдавился. Стерпел Петька, зубы сжал.

Только сжал - немец приходит. С щипцами. Подцепил щипцами Петькин

"кустюм", уволовку куда-то.

Вернулся, воды накачал в ванну.

- Лезь, - говорит.

Залез Петька в ванну, в теплую воду. Вода помутнела сразу: шутка ли - в бане Петька лет пять не был. В реке, правда, купался... Да разве такое тело купаньем отстираешь?

Очень хорошо Петьке в ванне. Прямо что надо, не вылезал бы, кажется, до чего хорошо.

Да только, на Петькино несчастье, немец разговорчив попался. Намыливает

Петьке голову, а сам говорит. Говорит, говорит, словно речь говорит. Все спрашивает, любопытствует. И как Петьку звать по имени-отчеству, и за что попался, и где родителей потерял, и тому подобную чепуху спрашивает.

А Петька молчит. У Петьки часы во рту.

Петька головой орудует. Качает, кивает, мотает, когда надо. Мычит в крайнем случае.

Обиделся немец, что ли, но замолчал.

Стал немец воду менять. Грязную выпустил, свежей наливает. Холодной

накачал, кипяток пустил.

Сел в уголок на стул, газету взял.

- Ты, - говорит, - сиди, отмачивайся... Когда горячо будет, - скажи. Я закрою.

Мотнул Петька головой: ладно, дескать.

А вода течет. Теплее и теплее становится. Прямо шпарит Петьку. Прямо обжигает тело.

А немец газетку читает, ушами шевелит.
Вода течет. И вот уж не может больше Петька терпеть. Ерзает, мучается, а сказать не может, крикнуть немцу не может.

Не выдержал Петька, забултыхался, нырнул в горячую воду и выплюнул часы на дно. Вылетел пробкой и как заорет:

- Горячо-о-о!

Вскочил немец, бросил газету на пол, сунул ладонь в ванну и заверещал:

- Ой, глупая мальчишка! С ума ты сходишь? Лезь вон! Живее!

Схватил Петьку за плечи, вытащил вон. Рассердился. Кричит.

- Что ты, - кричит, - молчаль? В такая вода курица можно сварить. Да!..

Разбавил немец воду, снова стал Петьку мылом растирать. Спину стал мылить. А Петька рукой по дну шарит. И все не может часики нашарить.

Нащупал, наконец, окунулся, пихнул скользкий кругляшок в рот. А кругляшок не лезет. Ни в какую. То ли часы распухли, то ли рот у Петьки от стирки сел... Впихнул все-таки. Чуть зубы не выломал, но впихнул.

Сполоснул его немец.

- Хватит, - говорит, - посиди, я твой кустюм принесу.

Ушел немец. Сидит Петька в мыльной воде. И вдруг видит, вода убывает

стала. Все меньше и меньше воды.

Пришел немец - сидит Петька в пустой ванне.

Удивляется немец.

- Зачем, - спрашивает, - ты воду выливал? Это вредно - сидеть без вода голый.

А Петька сам не знает, почему вода вытекла. Он воду не выливал, не умеет даже, - сам удивляется.

- Ладно, - говорит немец. - Одевайся скорее, скоро обед будет - опоздаешь.

И подает немец Петюшке целую кучу одежи. Белье подает, штаны подает,

гимнастерку... полсапожки подает. И все новенькое, все чистенькое.

Стал Петька одеваться. Стал первый раз в жизни кальсоны надевать! А немец смотрит и улыбается. И Петька улыбается.

Вдруг немец улыбаться перестал.

Подозрительно посмотрел Петюшке в лицо и говорит:

- Что это у тебя, - говорит, - из рота торчит? Что это у тебя там блестит?

Вздрогнул Петька, губы захлопнули.

"Вот, - думает, - дурак, бродяга! Надо было улыбнуться!"

Отворачивается, плечами пожимает - пустяки, дескать.

А немец не отстает, за Петькино лицо хватается.

- А ну! - кричит. - А ну, разжимай зубы! Что ты там спрятал? Что у тебя там за жвачка?

Раздвинул Петьяка челюсти.

- Плюй! - кричит.

Задохнулся Петьяка, надавил языком и выплюнул свою жвачку немцу на ладонь.

И чуть не закричал от страха.

На ладони у немца не часы лежали, а пробка медная, которой дырка в ванне затыкается, чтобы вода не вытекла. Пробку Петьяка впопыхах в рот себе запихал, потому вода и вытекла.

Испугался Петьяка. Да и немец не меньше испугался. За полуумного Петьюку принял. Залепетал чего-то.

- Скажи мне, - спрашивает, - скажи мне, ради бога, зачем ты пробка в рот сувал? Разве металл можно в рот сувать?

Не знает Петьяка, что и отвечает. Чепуху какую-то отвечает.

- С голоду я, - отвечает. - Кушать хочется очень.

А сам в ванну поглядывает: "Где часики?"

Не видно что-то. Пусто в ванне, только мочалка мокрая лежит. Не иначе, как под мочалкой часики. Ушел бы немец, тогда достать можно. Но не уходит

немец. Петьюку жалеет.

- Ах да ох!.. Матушки-батюшки! Медная, - говорит, - штучка кушать нельзя. Сейчас вот обед будет, там дадут тебе суп, каша и кисель. А медная пробка - невкусный, твердый. Вот гляди.

Бросил немец пробку в ванну. Звякнул металл. Видит Петьяка - нагнулся немец за мочалкой. Сейчас мочалку поднимет, а под мочалкой... Ах!

Не долго думая, рухнул Петьяка на пол и заорал благим матом:

- У-о-о-ой!

Кинулся к нему немец:

- Что с тобой? А? Что с тобой?

А Петьяка орать не перестает, бьется бедняга в ужасном припадке.

- У-о-ой! - орет.

Заметался тут немец. Забегал. Стул уронил и выбежал вон.

Бросился Петьяка к мочалке. Так и есть - лежат под мочалкой часики.

Схватил Петьюку часики, воду стер, полюбовался - солнце на ладошке горит... Полюбовался Петьюка и сунул солнце в новый казенный карман.

Только сунул, - немец вбегает. С пузырьком в руках вбегает.

- Нюхай! - кричит. - Нюхай скорей нашатырного спирта.

Закачался Петьюка, понюхал из пузырька, чихнул и в себя пришел.

Быстро напялил на себя остаточную одежду, ботинки надел, каблуком прихлопнул. Жмут слегка новые полсапожки, да ничего, - приоделся зато Петьюка

чистым пижоном. И кушак застегнул. И волосы пригладил.

"Эх, - думает, - жалко зеркала нет. Поглядеться бы, каков я мальчик".

- Идем обедать, - сказал немец.

Только вышли они в коридор - звонок. Бежит звонок по всем этажам. С шумом несутся ребята по коридорам. С топотом, с гиком.

- Обедать! - кричат. - Обедать!

Петьюку чуть не уронили, затолкали, поволокли. Потерял Петьюка немца.

Растерялся - не знает, что делать. И вдруг видит чернявенького парнишку, того, что в кабинете звезду рисовал. И тот Петьюшку увидел. Улыбнулся, рукой махнул.

- К нам! - кричит. - В нашу группу.

Побежали вместе. Вбегают в приютскую столовую.

А там уж ребят видимо-невидимо. За столами ребята сидят, а на столах оловянные миски дымятся. Вкусно дымятся. У Петьюки даже нос зачесался,

в

коленки дрожь прошла.

Сели обедать.

Шумят ребята, ложками размахивают, хлебными корками перебрасываются. А

Петьюка на суп насыпал. Шутка ли, парень два дня пищи не нюхал, всего-то за два

дня пончик с повидлом съел. Ясно - с жадностью ест, алчно.

Не соврал немец: после супа кашу подают. Гречневую, с маслом. Петьюка и

кашу подзавернул в два счета. Киселя дали - кисель съел и миску облизал.

Ребята, которые рядом сидят, смеются. Особенно один, одноглазый, с черной повязкой на лбу... Тот прямо издевается.

- Ну и обжора, - говорит. - Ну и горазд лопать. Слон, ей-богу, и то меньше ест.

Смеются ребята. Обидно Петьюке. Терпел он, терпел - и не вытерпел. Облизал свою оловянную ложку, посмотрел одноглазому в нахальный его глаз и,

размахнувшись, ударил одноглазого ложкой по лбу.

Ужасно закричал одноглазый. Зашумели ребята. Федор Иванович прибежал.

- Что? Что такое?

Одноглазый плачет и кулаком растирает свой лоб, а на лбу шишка.

- Кто тебя так? - спрашивает Федор Иванович.

- Вот, - показывает одноглазый на Петьюку. - Вот эта сволочь... Ложкой.

Строго посмотрел Федор Иванович на Петьюку.

- Встань, - сказал. - Встань, тебе говорят.

Встал Петьюка, смотрит исподлобья, - чего, дескать, надо?

- Так, - сказал Федор Иванович. - Так. А теперь выйди вон.

Не понял Петьюка - пошел за заведующим. И когда выходили из столовой,

услышал за спиной:

- Федор Иваныч! Новенький не виноват.

Голос знакомый, - чернявенький крикнул.

Вышли они в коридор.

- Так, - сказал Федор Иванович. - Слушай, что я тебе скажу. Драться нельзя. Так. На улице можно было драться, а у нас нельзя. Понял? А в наказание стань здесь и стой, пока обед не кончится.

Повернулся Федор Иванович и пошел по коридору.

А тут как раз и обед кончился. Выбежали ребята из столовой. Бегут ребята мимо Петьки. Петька к стене прижался... Бегут. Одноглазый пробежал.

Язык показал Петьке. Чернявенький пробежал. Крикнул:

- Купаться пойдешь?

Встрепенулся Петька:

- Куда купаться?

- На речку, на Кордон... Вся наша группа идет. Айда?

У Петьки уж план на уме.

Побежал вместе с чернявеньким. А чернявенький на ходу говорит:

- Ты, - говорит, - с Пятаковым не дерись... Если он драться будет - не дерись, а заявляй прямо в шус, в школьный совет.

"Ладно, - думает Петька, - некогда мне в шусы заявлять. Я сейчас на Кордоне буду... До свиданьяца".

Вбежали они в огромный зал. Ребят в этом зале видимо-невидимо.

Строятся

ребята, как солдаты, в два ряда. Бородатый дядя с палкой в руке командует.

- Смирно! - командует. - Равнение направо!

Стал и Петька. Тоже по-солдатски вытянулся. Равнение направо взял.

А тут входит в зал Федор Иванович. Вошел, осмотрел ребят. Кому-то кушак

поправить велел, кому-то лицо вымыть. Петьку увидел, брови поднял.

- Как, - спрашивает, - и новенький идет? Нет, - говорит, - новенькому сегодня идти нельзя. Пусть отдохнет.

Одноглазого увидел.

- А также, - говорит, - и Пятаков пусть выйдет. За такое поведение - без купания.

Заплакал одноглазый. Из строя вышел.

И Петька вышел. Но не заплакал.

Грустный только Петька стоит.

Вот парами прошли ребята мимо. В ногу прошли.

- Левой! Левой!

Вот ушли. Подошел к Петьке Федор Иванович, похлопал Петьку по плечу.

- Так, - говорит, - не унывай, брат. Сживемся. У нас не очень плохо ребята живут. А только драться нельзя. Так. Иди во двор играть. Ну! Веселей!

Пошел Петька во двор.

Там ребята, которые купаться не пошли, в рюхи играют. Петьку приглашают

вместе играть. Усмехнулся Петька.

- Не играю, - говорит. - Детская забава.

Отошел Петька в сторону, к забору, и сел у забора на мелкий щебень.

Сидит и думает:

"Что делать? Как действовать?"

А вокруг вечереет. Туман поднимается, солнце заходит. И ребята вдали в рюхи играют. Звенят голоса их:

- Сбил! Попа сбил!

- Врешь! В городе поп...

И гладкие рюхи летают в воздухе, с грохотом прыгают по земле.

А Петька думает: "Смыться я, конечно, смоюсь. Слов нет. Но только часики при себе держать опасно. С ними греха наживешь. Мало ли что..."

Может

быть, здесь ежедневно белье сжигают... Нет. Спрятать надо часы до поры до времени".

Решил Петька спрятать часы. Решил закопать их в землю, пока не подойдет

время бежать. А бежать задумал в эту же ночь.

Лег Петька на живот, огляделся. Ребята в рюхи играют, попов каких-то бывают. Воспитатель сидит, книжку читает. Никто на Петьку не смотрит.

Вынул Петька часы. И вдруг любопытно стало. Захотелось взглянуть - какие они изнутри?

Крышку открыл, а под крышкой еще крышка. И на крышке две черных буквы:

С.К. А под крышкой - стекло. И под стеклом - стрелки.

В черном кружочке секунды бегают. А часы и минуты идут незаметно: смотришь - на месте стоят, отвернешься - подвинулись. Семь часов без одной

минуты на Петькиных часах.

Разгреб Петька щебень у самого забора, ямку глубокую до локтя вырыл.

Зашелкнул часы, плотно обвязал их тряпкой и сунул в ямку. Ямку закопал,

рукой притоптал, щебнем засыпал. Чтобы место не забыть, прутик небольшой

воткнул.

Потом улегся, положил голову на место, где клад закопал, - мечтать стал.

И все об одном: "Чухонку куплю. С барашком. Ножик куплю. Наган, может

быть, куплю... Конфеток каких-нибудь с начинкой. Яблок..."

Опять замечтался Петька и снова грустить перестал.

Когда ребята с купания пришли и чай пить в столовой сели, Петька на

одноглазого внимания не обращал, хотя тот и снова издеваться начал. Зато за

Петьку чернявенький заступился.

- Брось, Пятаков, - сказал чернявенький. - Мало тебе досталось от новичка? Еще хочешь?

Притих Пятаков одноглазый.

После чая ребята все, и большие и маленькие, во дворе играли в лапту. И Петьке весело было. Играть не умел он, правда, а то сыграл бы для компании.

Весело было Петьке. Когда стемнело совсем и звезды на небе зажглись, снова

звонок зазвенел. Воспитатель встал и крикнул зычно:

- Спать, ребята!

Поплелись ребята в спальню.

Спальня огромная, полутемная. Стены белые, и на лампах молочные колпаки. И всюду кровати рядами стоят, как в больнице.

Чернявенький Петьке койку показал.

- Вот, - говорит, - тебе приготовлено, со мной рядом спать будешь.

Поглядел Петька, и даже страшно стало.

"Неужели, - думает, - мне спать здесь придется?"

На кровати простыночки разные, одеяло серое мохнатое, подушки чистые,

полотенце в головах.

Разделяя Петька, улегся как порядочный и в одеяло завернулся.

"Вот, - думает, - увидели бы меня кордонские ребята, каким я...

Посмеялись бы... А между прочим, не плохо так поспать".

Потом подумал Петька:

"Ночью непременно бежать надо".

Но ночью не убежал Петька. Где там! Не до бегов было. Как заснул, так и проспал до утра. Шутка ли: утомился небось...

Дергает кто-то Петьку за ногу. Прячет Петька ногу под одеяло, брыкается... Но кто-то снова начинает тормошить его, кто-то дергает его за плечи. Поднимает Петька голову и видит сонными глазами: стоит у его койки

Федор Иванович. Будит Федор Иванович Петьку. Лицо у Федора Иваныча

серъезное, шевелит Федор Иваныч бровями.

А ребята спят еще. Храп веселый по спальне идет... Еще не совсем светло.

- Вставай, - говорит Федор Иваныч. - Так, - говорит. - Вставай, дело есть.

Проснулся Петька, голову поднял:

- Чего?

Говорит Федор Иваныч:

- Пришли за тобой из милиции.

Упала Петькина голова на подушку. Охнул Петька.

- Пришли, - говорит Федор Иваныч, - за тобой из милиции, по какому делу неизвестно... Так... Вставай, одевайся.

Стал Петька одеваться. Руки у Петьки дрожат. Ноги дрожат. Ноги в штанины не попадают. Нехорошо Петьке.

"Зачем, - думает, - из милиции пришли?.. Неладное что-то".

Одеся Петька, пошел за Федором Иванычем.

Приходит и видит: сидит в канторе милиционер. Пожилой. Усатый. С папкой

под мышкой.

Встал милиционер и спрашивает:

- Этот?

- Этот, - отвечает Федор Иваныч.

- Ну, так разрешите забрать его, - говорит милиционер. - Идем, гражданин.

Пошли. Не понимает Петька - куда и зачем. А милиционер, хоть и старый, а идет быстро. Петьку еще подгоняет.

- Живей, - говорит.

Хочет Петька спросить, за каким делом его в милицию вызывают.

Хочет

спросить и не смеет. Очень уж серьезен стариик. Осмелился все-таки Петька, спросил:

- Зачем, - говорит, - ведете вы меня, извиняюсь?

Отвечает милиционер:

- Сам знаешь.

Сухо отвечает, по-казенному.

Очень быстро до базара дошли. Петька по старой привычке в самую толпу

хотел нырнуть, - схватил его милицейский за плечи.

- Куда? - говорит. - Куда бежишь?.. Стороной обойдем, не рыпайся.

Стороной обошли, в пикет попали.

Ввел милиционер Петьку в пикет, в комнату начальника. Начальник за столом сидит, курит, кольчики пускает. С начальником гражданин сидит - немолодой уж, красноносый. Смотрит Петька в лицо гражданина и вспоминает:

что-то в лице гражданина знакомое...

"Не тот ли, - думает, - у которого я на прошлой неделе банку варенья украл? Или тот, у которого уздечку намеднись тиснул?.. Нет, не тот".

И вдруг взглянул Петька повнимательнее на нос гражданина и сразу вспомнил:

"Так это ж часики... Это ж пьяный который..."

Он самый. И нос тот же, и глаз косоватый; только усы не трясутся: уныло висят усы, книзу висят.

Говорит начальник такие слова:

- Отвечай, - говорит, - по чистой совести. Украл ты или нет часы у гражданина Кудеяра?

Передернуло Петьку, однако сдержался и виду не подал.

- У какого Кудеяра? - спрашивает.

- У Семен Семеныча Кудеяра. Вот у этого самого гражданина.

Поглядел Петька на гражданина, головой покачал.

- Первый раз вижу.

- Не ври, - сказал начальник. - Врешь ведь. Второй раз видишь.

- Ей-богу, первый.

Говорит начальник, как будто читает:

- Гражданин Семен Семенович Кудеяр заявляет о пропаже золотых часов,

которые были похищены у него в камере номер три нашего пикета. Правда?

- "Правда"! Какая правда?

- Такая. Гражданин Кудеяр, узнаете вы этого малого?

- Узнаю, - отвечает усатый.

И таким ужасно пискливым голосом отвечает. Вчера басом орал, а сегодня

пищит, как птенчик.

- Узнаю, - пищит. - Он самый...

- Ну так как же? - спрашивает у Петьки начальник. - Отдашь ты часы или нет?

- Какие часы?

- Такие! - рассердился начальник. - Такие! Отдашь или нет?

Рассердился и Петька.

- Откуда, - говорит, - я вам возьму часы? Не видел я никаких часов и видеть не желаю. Нет у меня ваших часов.

Усмехнулся начальник и говорит:

- Посмотрим, - говорит. Стукнул кулаком по столу. - Эй, - кричит, - товарищ Ткаченко!

Открывается дверь, и входит Петькин знакомый - кучерявый милиционер.

- Слушаю, - говорит. - Зачем звали?

- Затем, - говорит. - Обыщи с ног до головы этого типа. Отыщи часы.

- Ой! - говорит кучерявый. - Так этот же тип - мой старый знакомый. Я его вчера в приют Клары Цеткин провожал. Прямо скажу - сознательный тип.

Честный! Но если приказываете обыщу, труда не представляет. Можно.

Наседает кучерявый на Петьку. Но на этот раз ничуть не боится Петька.

Смешно Петьке. Ломается еще даже.

- Нет, - говорит. - Оставьте, пожалуйста. Обыскивать я себя не дам.

Права не имеете.

И нарочно за карман хватается.

Закричал тут начальник:

- Так?!

И пискливо закричал гражданин Кудеяр.

- Боится! - закричал. - Ей-богу, боится! Обыщите его, люди добрые!

Отыщите часы мои...

Вскочил тут начальник. Схватил Петью за руки повыше локтей, крепко схватил, не вырваться Петье.

- Обыскивай, Ткаченко! - кричит.

Стал кучерявый Петя обыскивать, стал за карманы хвататься, в карманы

залез, за пазухой пошарил - нет часов.

- Нету, - говорит кучерявый.

Опешил начальник.

- Как же так? - спрашивает. - А?.. Может, вы сочиняете, гражданин Кудеяр?

- Конечно! - закричал Петя. - Конечно, сочиняет. Никаких у него часов не было. И быть не могло...

- Нет, - говорит Кудеяр. И чуть не плачет. - Нет, - говорит. - Не вру.

Были у меня часы с серебряной цепочкой. Ей-богу, были... Вот и цепочка даже

осталась. Глядите...

Вынул усатый цепочку, поболтал перед всеми. Видят все: правда, цепочка.

И разные штучки болтаются, брелоки подвесные бренчат. Слоники разные,

лошадки, подковки и между всем - зеленый камень-самоцвет в виде груши.

- Странно, - говорит начальник. - Ей-богу, думаю я, что вы заливаете.

При чем тут цепочка?

- При чем? - говорит. - При том. На цепочке часы висели. А кто их взял? Он взял. Он...

И в Петью - пальцем.

Засмеялся Петя.

- Ну и чепуха, - говорит. - Как же я мог взять у тебя часы, когда сидел я на замке в одиночной камере? Сидел я совершенно один.

- Правильно, - говорит начальник. - Это, - говорит, - очень подозрительно. Вас, - говорит, - гражданин Кудеяр, за клевету можно привлечь. А? Что вы на это думаете?

Заплакал тут гражданин Кудеяр. Потекли горячие слезы из его косоватых глаз.

- Бог с вами, - говорит. - Но только погибли мои часы безвозвратно. Но не хочу я по уголовным законам судиться и лучше уйду.

Напялил гражданин Кудеяр шапку, поклонился начальнику, всхлипнул и

вышел из комнаты.

А Петя серьезный стоит и смотрит обиженно. Оскорблен ужасно. Молчит.

- Прости, - говорит начальник, - ошибка вышла, наглая клевета. Товарищ Ткаченко, отведи его снова в приют Клары Цеткин. Не имеем мы права

задерживать воспитанника ихнего.

- Ладно, - говорит кучеряный. - Это можно. Идем, шпана ненаглядная.

Вышли они из пикета. Дошли до базарной площади.

На площади кучеряный остановился и говорит:

- Иди-ка ты, - говорит, - шпана, один. Дорогу ты знаешь, не спутаешь. А в честности твоей я вчера уверился. Иди, брат... А я домой схожу. У меня жена именинница.

Повернулся кучеряный и зашагал в другую сторону.

А Петька постоял, постоял и к приюту пошел.

Базар миновал. По улице идет. И вдруг слышит - кто-то его сзади окликнул. Обернулся, видит - бежит за ним гражданин Кудеяр. Бежит и рукой

машет. Стой, дескать, на минутку.

Стал Петька. Ждет. И тут начинается такая чепуха.

Подбегает Кудеяр к Петьке и бухает в ноги. Падает на колени и кричит:

- Голубь драгоценный! - кричит. - Умоляю! Отдай мои часики! Детки у меня голодные, жена больная... Век я тебе благодарен буду. Три рубля подарю.

Отдай, голубь...

Засмеялся Петька, ничего не сказал, пошел. Кудеяр же с колен поднялся, за ним побежал. Петьку нагнал, за плечо хватается.

- Отдай! - кричит. - Отдай, ради бога!..

Вырвался Петька.

- Уйди! - говорит. - Отстань... Не видать тебе своих часиков, как ушей. Не получишь ты их. Понял?

Всполошился гражданин Кудеяр.

- Ах, так? - кричит. - Так? Так я на тебя жаловаться буду. Я на тебя в суд жаловаться буду... По статье закона.

- Жалуйся, - говорит Петька. - Жалуйся, пожалуйста, все равно никто не поверит тебе. Врешь, скажут, старая пьяница.

Сказал Петька и пошел не оглядываясь. И до того Петьке весело стало - смешно... На все свои горести наплевал. Идет, а ноги танцуют. Ноги идут, вытанцовывают:

- И-эх-та. Да-эх-та...

Мечтает Петька.

"Смоюсь, - мечтает. - При первом случае. Сегодня же ночью. На двор проберусь - часики выкопаю, а там через забор перемахнуть - пара пустяков... Митькой звали..."

Замечтался Петька и не заметил, как до Введенской дошел. К приюту подходя, оглянулся зачем-то. Оглянулся и видит - крадется за ним по пятам гражданин Кудеяр. Оглянулся Петька еще раз - нет Кудеяра, за угол, наверно,

спрятался.

"Ах ты, - думает Петька, - старое чучело... Следишь!"

Хотел Петька еще раз оглянуться, но в это время над самой Петькиной

головой загремело:

- Эй! Поберегись!

И лошадина морда чуть не врезалась в Петькин затылок.

Петькино счастье - успел отскочить. А не то раздавил бы его своими копытами громадный битюг.

Целый обоз с дровами ехал по улице. Ломовики нахлестывали лошадей,

кричали и отчаянно ругались... Телеги с дровами, громыхая, проезжали мимо

Петьки.

"Куда это? - подумал Петька. - Куда это везут такую уйму дров?"

И до того любопытно ему стало, что подошел он к переднему извозчику и

спросил его:

- Куда это, дяденька, везете вы столько дров?

- В приют, - ответил извозчик. - В приют Клары Цеткин.

"Здорово!" - подумал Петька. С гордостью подумал. И говорит.

- Это, - говорит, - вы нам везете! Хорошенько везите. Не растеряйте там по полешку.

Засмеялся ломовой и стал нахлестывать лошадь.

А Петька в приют пошел. Только к воротам подходит - выезжают из ворот

пустые подводы. Удивился Петька.

"Неужели, - думает, - тоже дрова привезли?"

Вошел Петька во двор и глаза вытаращил.

А потом подкосились у Петьки ноги.

Весь двор был завален дровами. Огромная площадка от забора до забора была загружена березовыми, сосновыми и еловыми восьмивершковыми поленьями.

Ребята с шумом укладывали дрова в поленницы, а заведующий Федор Иваныч бегал

вокруг, потирал руки и кричал:

- Так! Веселей ребятки... Поднажмем, ребятки!..

Подбежал Федор Иваныч к Петьке, хлопнул Петьку по плечу.

- Так! - кричит. - Видишь?.. Сто кубов навалили. Видишь, как о вас, чертенятах, заботятся? Видишь?..

- Вижу, - сказал Петька. - Спасибошки.

И, качаясь, пошел Петька в глубь двора, к лестнице, да не дошел - упал на дрова. Заплакал.

- Ах, часики...

И больше ни слова. В слезах захлебнулся.

Сидит Петька, плачет. Льются слезы рекой. Не унять. Подбегает черняненький. Наклонился над Петькой.

- Что ты? - спрашивает. - Кто тебя? По какой причине плачешь?

Встал Петька, посмотрел чернявенькому в лицо и сквозь зубы:

- Пошел к черту!

Поднялся Петька, за перила держась, по лестнице. В коридоре сел на окно. Сидит и думает.

"Что, думает, - теперь делать? Бежать? Обидно..."

Грустно Петьке. Сидит Петька на окне и в окно глядит. А тут кончили ребята складывать дрова, мимо бегут. Чернявенький пробежал, остановился.

Подошел к Петьке, руку на плечо ему положил.

- Что? - говорит. - Что, брат, с тобой происходит? Грустишь ты? Да?

Хочешь, я тебе книжку дам почитать?

- Нет, - говорит Петька. - Не хочу! Уйди ты, за ради бога!

Говорит чернявенький:

- Книжку если читать, то не так грустно. Я тебе непременно дам книжку.

Ты "Нос" Гоголя читал?

Разозлился Петька.

- Никаких, - говорит, - носов не читал и читать не желаю. Уйди!

А тут другие ребята подошли, обступили окно, где Петька сидел. Слушают.

Чернявенький и говорит:

- Посмотрю я на тебя... Ну и поразительный же ты тип!..

- Что??!

Вскочил Петька с окна. Горькая обида взяла Петьку за самое сердце.

- Что? - говорит. - Повтори! Как ты сказал? Паразитальный? Это я паразитальный! Сам ты паразит! Я тебе за такие слова - знаешь? - зубы посчитаю.

Сжал Петька кулак, замахнулся. Улыбается чернявенький и говорит:

- Напрасно, - говорит, - замахиваешься. Драться я с тобой все равно не буду.

- Ага! - закричал Петька. - Боишься!

- Да, - говорит чернявенький, - боюсь. Я, - говорит, - принципиально боюсь.

Замахнулся Петька еще раз, да опустил руку - не посмел почему-то ударить. Опустил руку и пошел качаясь. А сзади ребята хохочут, и больше всех

одноглазый Пятаков хохочет...

Заплакал тут Петька от горькой обиды и пошел куда глаза глядят. Где-то под лестницей забился в угол - до вечера просидел. Даже к обеду не вышел.

Только к чаю вечернему в столовую заявился. Выпил чай свой, хлеба сожрал полфунта и спать пошел.

...Приснился Петьке сон. Сидит будто Петька на хавыре у бабки Феклы и

мясо ест. Свинину. Пихает Петька свинину в рот громадными кусками, давится,

глотает, а жир по подбородку течет и за рубаху стекает. А бабка Фекла еще на

тарелку накладывает.

- Ішь, - говорит, - Ішь, дурница, як може швидче...

Опомниться Петька не успел - подставляет бабка Фекла плошку с пампушками. Петька пампушки глотает, молоком запивает. А сам думает: "На

сколько же это я наел?"

Стал считать, а бабка Фекла за него отвечает:

- Наел ты, - отвечает, - ровно на три рубля с лишним. Полагается мне с тебя получить...

Встает Петька и говорит:

- Бей меня, бабка Фекла. Нет у меня, бабка Фекла, денег. Нет у меня ни гроша.

- Зато, - говорит бабка Фекла, - у тебя часы есть... Гони часы в уплату долга.

Сунул Петька руку в карман - вытаскивает оттуда пачку денег. Одни червонцы вытаскивает. Штук сто. Дает Петька бабке Фекле штуки четыре.

- На, - говорит, - бабка Фекла... Получи.

Кланяется бабка Фекла в ноги. Благодарит Петьку за такую щедрость. А тут входят откуда-то кордонские ребята. Митька Ежик входит, Васька Протопоп,

Козырь, Мичман... И все кланяются в ноги, и всем дает Петька по червонцу.

А

сам влезает на стул и кричит:

- Пойте! - кричит. - Пойте, задрыги, "Гоп со смыком"!..

Вдруг откуда-то кучерявый выскаивает. Выскочил, папкой махнул.

- А ну, беги! - кричит.

Страшно стало Петьке - побежал.

На улицу выскочил и бежит. А бежать сапоги мешают. Тяжелые на ногах

полсапожки. Споткнулся Петька на каком-то углу и упал в канаву. В канаву

упал - проснулся.

Весь в поту. Одеяло на пол сползло, разметались подушки. Жарко Петьке

- дышать невозможно. А в окно луна смотрит. А рядом ребята храпят.

Чернявенький рядом храпит. И над самой Петькиной головой вентилятор:

ж-ж-ж-жу!.. Ж-ж-ж-жу!..

Поднял Петька одеяло, лежит, а спать не может. Страшная давит Петьку тоска.

Думает Петька о разных вещах, но больше всего о воле. Вольную жизнь

вспоминает, горюет... А вентилятор все: ж-ж-ж-жу! Ж-ж-ж-жу!

Спать мешает Петьке.

Вот где-то вдали за окном паровоз загудел. Встрепенулся Петька.

"Ох, - думает, - хорошо сейчас на вокзале. На вокзале сейчас поезд московский встречают. Ребята наши все, поди, там. Карманы, поди, чистят

у

публики... Весело! А здесь лежи, как дурак, на простыночках..."

Приподнялся Петька на локте, оглядел спящих ребят, усмехнулся горько.

"И как это, - думает, - могут люди терпеть? Ведь живут же... И убегать не думают... Даже в лапту играют!"

Лежит Петька. Потом обливается. Спать не может. А вентилятор: ж-жу... ж-жу...

Вдруг далеко где-то колокол ударил.

На каланче пожарный ночные часы отбивал:

Бом-м!

Бом-м!

Бом-м!

"Три часа", - сосчитал Петька. И вдруг - часики вспомнил. Задрожал весь.

"Нет, - думает, - терпения моего нету. Пойду. Попытаю... Может, и достану часики, раздобуду часики..."

Потихоньку оделся Петька, подумал немного и сложил одеяло в комок - будто лежит человек под одеялом. Подушку примял... На цыпочках к окну

подошел. Осторожно затворку поднял, открыл окно.

И сразу приятно ветром в лицо пахнуло. Задышал Петька полной грудью и

высунулся из окна.

Прыгать, конечно, страшно: второй этаж, и камни внизу блестят: прыгнешь

- костей не соберешь.

Рядом труба водосточная. Карниз узенький. А до трубы шага три.

Оsmелел Петька, вылез на карниз, раздвинул пошире ноги и перемахнул к

трубе. Вниз по трубе - плевое дело. Раз, раз и готово, - стукнули каблуки о камень.

Во дворе Петька. Ходит и место ищет, где часики закопал. А место - известно - у забора, а до забора саженей на десять дрова...

Плотно Петькины часики дровами заложены.

"Ну, - думает Петька, - ничего. Как-нибудь раскопаю".

Плюнул Петька на руки и ухватился за первое полено. Потащил к себе. А полено тяжелое, сырое.

Стаял Петька первое, за второе полено ухватился... Третье стаял.

Отбросил. Этак штук двадцать раскидал, уморился, вспотел, весь в поленьях

закопался. Но роет все-таки, пыхтит самосильно и знай себе тянет полено за поленом.

Вот подцепил он какой-то тяжеленный чурбан с самого верха. Не выдержали

руки - рухнул чурбан, загремел. И вся поленница рухнула.

Раздался вдруг лай. Пес откуда-то выскочил.

Испугался Петька - бежать не может.

А пес лает, воет, зубы на Петьку скалит, и глаза у него что у волка горят.

Сидит Петька, в дровах окопавшись, дрожит и думает...
Думает-вспоминает. И все не может припомнить, как эту чертову собаку зовут... Трезор, что ли? Или Барбос? Или Шарик? И вдруг вспомнил.

- Король! - кричит. Негромко кричит. - Король! Дура! Цыц, на место!..

И сразу перестал лаять Король. Завилял хвостом, погасил глаза и отошел в сторону.

А Петька - что было духу - к трубе. Взобрался по трубе на второй этаж - и в окно. Чуть с карниза не сверзился. Влез все-таки.

Койку свою отыскал. Сел, стал раздеваться. Скорее, скорее. И все дрожит. Зубы даже лязгают.

Снял Петька первый сапог и неосторожно бросил его на пол. От стука чернявенький проснулся. Поглядел на Петьку, зевнул и спрашивает:

- Ты куда это, - спрашивает, - ходил?

Смутился Петька.

- В ватер, - отвечает, - ходил.

- А зачем же... в сапогах?

Но не дождался чернявенький Петькиного ответа - заснул.

И Петька тоже разделся, залез под одеяло и - раз-раз - захрапел.

И во сне Петьку дрожь пробирала.

Удивительное дело - захворал Петька.

Странно даже. В какие, бывало, переделки парень попадал - ни малейшего

кашля. Даром, что чахлый, грудь никогда не болела.

Прошлым годом в октябре в заморозки купался - и ничего. Всякую гадость

ел, голодал неделями - тоже ничего. А тут на тебе - заболел.

Снесли Петьку в приютский лазарет и определили у него тяжелое воспаление в легких.

Ухаживал за Петькой санитар Рудольф Карлыч.

Хворал Петька три недели. Целых три недели без памяти лежал и к смерти

готовился.

Но не умер, а выжил. Не такой Петька парень, чтобы умереть. Выжил. В себя пришел.

Проснулся Петька в дождливый день. За окнами дождь шел. В лазарете карболкой пахло и тихо было.

Повернулся Петька на другой бок и вспомнил.

На каланче часы били: бомм, бомм... Потом Король залаял.

Вспомнил Петька все и понял: болен был долгое время.

А тут Рудольф Карлыч вошел. Увидел, что Петька жив и здоров, обрадовался, руками всплеснул.

- Ах, - говорит, - наконец-то! Наконец-то ты, бедный головушка, ожил. Поздравлять мне тебя от чистый сердца! Браво!

Лежит Петька, не улыбнется даже. Молчит.

- Молчи, - говорит Рудольф Карлыч. - Молчи. Тебе говорить нельзя. Тебе отдыхать надо. Кушать надо... Бульон.

Ушел Рудольф Карлыч.

Через минуту возвращается, да не один, а с чернявеньkim. Несет чернявенький на железном подносе тарелку супа. И улыбается во все зубы.

- Здорово! - кричит. - Поздравляю!

И ставит перед Петькой суп. Стал Петька есть суп. Ест потихоньку, глотает полгононьку. А чернявенький сел рядом. Нагнулся и Петьке на ухо шепчет.

- У меня, - шепчет, - к тебе дело есть. Поговорить надо. Важное дело.

Поднял Петька голову:

- Что такое?

Но тут Рудольф Карлыч вмешался.

- Нет, - говорит, - больному отдыхать нужно. Ему разговор вредно. Уйди. Не мешай ему кушать бульон.

Поднялся чернявенький.

- Ладно, - говорит, - что ж делать. Отдыхай. После поговорим, как окрепнешь немножко... Зайду я к тебе. Прощай.

Ушел чернявенький.

А Петька лежит и думает:

"Какой разговор у чернявого? Что у него за дело ко мне? Странное какое-то дело..."

Но уж другие мысли лезут Петьке в башку. Более важные мысли лезут. Думает Петька о том, как ему быть и как поступать.

Бежать ли ему из приюта, или...

Нет, не таков Петька парень, чтобы дело задуманное бросить. Решил Петька часики заполучить - заполучит. Не важно, что ждать долго. Можно

и

потерпеть немножко, можно и в приюте пожить, пока дрова не кончатся.

Стал Петька ждать, пока дрова кончатся. Поправляется заодно.

А дров, надо сказать, сто кубов. Дров не на месяц, два, а на год, может быть, хватит. Но твердо решил Петька ждать и ждет... Терпит.

Поправляется. По лазарету ходить начал. Начал ходить из угла в угол. Скучно, конечно, ходить.

К окну подойдет, на улицу посмотрит. На улице дождь целыми днями.

Август уже подошел.

И вот раз приходит к Петьке чернявенький. С книжкой приходит. Поздоровался, на койку Петькину сел.

- Скучаешь? - говорит. - А я тебе книжку принес. Интересная книжка. На вот, прочти...

Отмахнулся Петька.

- Знаю, - говорит, - какие это книжки. Политические... Со смыслом. Не хочу я ваших книжек политических.

- Нет, - говорит чернявенький. - Это не политическая. Политические ты зимой штудировать будешь, когда занятия начнутся. А это просто так - интересная беллетристика. Прочтешь - я тебе еще принесу.

Положил чернявенький книжку на табуретку, посидел немного и ушел.

A

Петька спать завалился. До вечера проспал, вечером его Рудольф Карлыч разбудил, ужин принес.

Сшамал Петька ужин - снова спать завалился. Да не спится что-то...

Лежит, в потолок глядит. На лампочку электрическую глядит. Тошно глядеть. Скучная лампочка.

Стал Петька на пол глядеть, - тоже мало интересного.

И вдруг на табуретке книжку заметил. Обрадовался.

"Погляжу, - думает, - от чего делать".

А книжка рваная, замусоленная попалась, но, на счастье, с картинками.

Стал Петька картинки разглядывать. Сначала так - ничего особенного, потом

интересно стало.

Нарисован на картинке преступник.

Связан преступник по рукам и по ногам канатом. А рядом - надсмотрщик

c

мечом.

"За что, - думает Петька, - сграбастали субчика?"

Перелистнул Петька страницу - прочел. Дальше читает... Да неинтересно читать, не знает, что раньше было. Стал с начала читать. И до того увлекся, что всю ночь напролет прочитал...

Интересная была книжка. Называлась та книжка "Иафет в поисках отца". Как одного маленького шкета аптекарю подкинули. И звали его Иафет. А

он

вырос и пошел по белу свету отца своего искать. И как искал, и всякие приключения, и, наконец, нашел своего отца. А тот - богатый миллионер.

И

очень рад видеть родного сына. И подарил ему фрак...

Прочел Петька эту книжку и даже пожалел, что кончилась книжка и больше

нет.

Как пришел чернявенький в другой раз, Петька сразу:

- Книжку принес?

Засмеялся чернявенький.

- Что? - говорит. - Понравилась? Нет, - говорит, - сейчас не принес, после принесу. Я к тебе по другому, более важному делу пришел. Я с тобой

давно поговорить хотел, все ждал, когда хворать перестанешь. Теперь можно...

- Можно, - говорит Петька, а сам думает: "Какое у него может быть дело?"

- Садись, - говорит и на койку показал.

Сел чернявенький. Поглядел Петьке в самые глаза и говорит:

- Помнишь, - говорит, - ночью... перед тем как ты заболел... Куда ты тогда ночью ходил?..

Вздрогнул Петька, не вытерпел и закрыл глаза.

Покраснел, наверно. Говорит:

- Не помню, куда ходил... Может, - говорит, - никуда не ходил. А что такое?

- А то, - говорит чернявенький. - Расскажу я тебе все по порядку. Пятакова знаешь?..

Вспомнил Петька:

- Одноглазый такой?

- Ну да... Еще ты с ним подрался. Ну, так Пятакова больше в нашем детдоме нет. Понял?

Не понял, конечно, Петька.

- Ну так что ж? - спрашивает. - Что ж такого, что нет? Очень рад... Лезть не будет.

- А то, - говорит чернявенький, - что виной тому ты. По твоей вине отправлен Пятаков в реформаторий, в детскую тюрьму.

- За что?

- За дрова.

Покраснел Петька самым отчаянным образом.

- За какие дрова? - спрашивает, а сам чернявенькому в глаза посмотреть не может.

- За такие, - говорит чернявенький. - Сам знаешь, за какие... А только дело вышло так. Пятаков этот еще раньше дрова воровал. Продавал торговкам на

Слободе. Попался. Первый раз ему выговор сделали. Ну, он побожился, что

больше воровать не будет... А тут опять с дровами история. В ту ночь разворотил кто-то саженей пять. Я-то знаю, кто, а все на Пятакова подумали. Пятакова за такие дела - в реформаторий... Хоть он и не виноват, а виноват ты.

Замолчал чернявенький, молчит и Петька. Нет у Петьки духу отпираться.

Ждет Петька, что ему еще чернявенький скажет. А чернявенький говорит такое:

- Придется тебе сознаться, что воровал дрова ты, а не Пятаков...

- Как? - говорит Петька. - Как воровал? Не воровал я!.. Иди ты!..

- А что же ты?.. В бирюльки играл?

Не знает Петька, что и сказать. Не расскажешь ведь про часики.

- Я, - говорит, - это просто так разворотил. От злости.

Усмехнулся чернявенький.

- Ну, - говорит, - это как хочешь. Тем для тебя лучше. Но сознаться ты все-таки должен.

- Спасиочки! - говорит Петька. - Что я - дурак сознаваться?.. Не дурак я...

Говорит чернявенький:

- Это, - говорит, - совершенно верно. Просто так - глупо сознаваться.

Но если из-за тебя товарищ гибнет... Неужели ты можешь товарища предать?

- Нет! - говорит Петька. Покраснел, обидно Петьке. - Нет, - говорит, - это ты брось. Меня на Кордоне вся братва знает. Я не легавый. Я за товарища

всегда постоять могу, я не гад какой-нибудь...

- Ну, так вот, - говорит чернявенький, - иди к Федору Ивановичу и чистосердечно признайся. Так, мол, и так, - дрова я разворотил. Тебе за это ничего не будет, - выговор разве, а Пятакова спасешь. Гибнет Пятаков в реформатории. Ладно?

Мотнул Петька головой.

- Ладно, - говорит, - схожу. Мне, - говорит, - плевать в высшей степени. Мне хоть в тюрьму отправляй... Не боюсь.

Соврал Петька. Как ушел чернявенький, лежит Петька и думает:

"А что, если и вправду за такую вещь в тюрьму отправят? Ведь это что же? Это значит - конечно! Это - прощай, часики..."

Расстроился Петька от таких мыслей. И не знает Петька - идти или не идти к Федору Иванычу.

Думал, думал - надумал:

"Пойду. Потому что нехорошо, если человек гибнет. Хоть он и паразит, а нехорошо. Свой все-таки парень".

Одеся Петька не спеша и стал ждать Рудольфа Карлыча.

Пришел Рудольф Карлыч. Петька и говорит:

- Разрешите, - говорит, - повидать заведующего. Разрешите мне отлучиться.

- Зачем? - спрашивает Рудольф Карлыч. - Какие у тебя дела? Может быть, тебя кто обидел? Может быть, я тебя обидел? Может быть, я тебе кушать мало

даю?

- Нет, - говорит Петька, - кормите вы меня, спасибо, на убой. И никто меня не обидел. А только нужно мне заведующего по очень важному делу.

- Ладно, - говорит немец. - Если очень нужно, то иди. Но ненадолго... Тебе еще нужно выдерживать карантин.

Вздохнул Петька.

- Приду, - говорит, - не знаю когда. Может быть, совсем не приду.

Прощайте.

Вздохнул Петька и пошел к Федору Иванычу.

Приходит в его квартирку, а его нет. Он в экономии по хозяйству.

В квартирке мужчина какой-то сидит. С портфелем. В ботинках "джим".
Тоже Федора Иваныча ждет. Ногти покусывает.

Стал Петька у дверей - ждет. А мужчина с портфелем ногти кусает.

"Что за дядька? - думает Петька. - По какой надобности пришел? Из кооперации, наверное, деньги за продукты получать. Или, может быть, монтер..."

А тут Федор Иваныч входит.

Петька к нему:

- Здравствуйте.

- А, - говорит Федор Иваныч. - Выздоровел? Так... Молодец.

А сам к другому, который в "Джимах":

- Здравствуйте. В чем дело?

Встает этот, который в "Джимах", и медленно говорит:

- Здравствуйте. Я к вам из детского реформатория. По поводу Георгия Пятакова. Представьте, - говорит, - вчера ночью Пятаков бежал из реформатория.

Задрожало у Петьки сердце. И мысли в голове заволновались. Не слышит

Петька, что дальше говорят; одно думает: "Сознаваться или не сознаваться?".

А Федор Иваныч уж руку обкусанную пожимает и говорит:

- Бумаги вы получите в канцелярии. Так. До свидания.

И сразу к Петьке.

- Ну, - говорит, - какое у тебя дело? Зачем пришел? Выкладывай...

Покраснел Петька.

- Я, - говорит, - к вам. Не найдется ли у вас книжечки какой-нибудь почитать?

- Что? - говорит Федор Иваныч. - Книжечки? Так. Найдется. Есть у меня для тебя много разных книг.

Открыл Федор Иваныч шкаф.

- Выбирай, - говорит, - сколько хочешь.

Стал Петька в шкафу рыться и набрал целую охапку книг. И маленьких и больших. И с картинками и без картинок. Снес в лазарет и целую неделю от нечего делать читал.

Так и не сознался Петька в своей вине. Не было потому что смысла сознаваться. Но когда Чернявенький у него спросил:

- Был ты у Федора Иваныча?

- Был, - ответил Петька. И покраснел.

- Молодец, - сказал Чернявенький, - ты парень что надо. Выздоровливай скорей.

И похлопал Петьку по плечу.

А Петьке совестно стало, и отвернулся Петька к окну.

И вот, наконец, выписался Петька из лазарета.

А тут как раз занятия начались. Уроки. Устроили Петьке небольшой экзамен и определили его в класс "Б". К самым малышам.

Обидно, конечно, и неприятно.

Чернявенький и другие всякие там дроби проходят, а Петька с малышами: "Саша у Маши, а Маша у Саши".

Обидно ужасно.

Вот раз подходит Петька к чернявенькому, - а ему фамилия Миронов, - и говорит:

- Нельзя ли мне перейти в ваш класс?

- Нет, - говорит Миронов. - Это, брат, нельзя. Знания твои хромают. Но если ты очень хочешь, можешь догнать наш класс по всем предметам.

Тогда и

перейдешь.

- Вот еще! - говорит Петька. - Очень мне надо... Очень мне сдались ваши предметы. К черту! Не буду!

И стал Петька дальше с малышами твердить:

"Саша у Маши, а Маша у Саши..."

Но тут неприятность вышла.

У которых ребят родные имеются - по субботам большой праздник. По субботам в приюте Клары Цеткин отпуска и свидания. И приходят к ребятам

разные мамаши и папаши с кулечками и узелками. А в кулечках - известно

гостинец: пирога кусок, булочка какая-нибудь, котлетка, яблоко...

К Петьке, конечно, никто не ходил. К Миронову, к тому тетка два раза из Новочеркасска приезжала. По рублю оба раза дала. А у Петьки даже самой

задрипанной, неродной тетки не было.

А в эту субботу вдруг прибегает дежурный и выкликает Петьку по фамилии.

- Пришли, - говорит, - к тебе на свидание.

Засмеялся Петька и говорит:

- Брось, - говорит, - пушку заливать. Меня не обманешь.

- Честное слово! - говорит дежурный. Френкель был дежурный, из первого

класса. - Не вру, - говорит. - Пришли к тебе. Посмотри сам.

Вскочил Петька, побежал.

"Что, - думает, - за чушь? Кто ко мне мог прийти?"

Вбегает в зал, а там уж много народа - папаши, мамаши разные. И их

родные дети. Смеются, разговаривают.

Стал Петька в дверях и смотрит, глазами ищет. Шею вытягивает.

А навстречу ему идет, качаясь и мотая головой, - гражданин Кудеяр.

Побледнел Петька и попятился к дверям. А Кудеяр на Петьку наступает,

и

разит от него за три версты.

- Здравствуй, - говорит, - голубь! Здравствуй, душечка... Пришел я...

Нашел я... Проведать тебя пришел!..

И лезет обниматься. А сам качается. И разит, разит от него... Даже публика морщится. Даже отодвигаются все.

Побледнел Петька и говорит негромко:

- Что, - говорит, - вам нужно?

- Проведать пришел, - говорит Кудеяр басом. - Проведать пришел!

Гостинцев принес... Ирисок.

Полез гражданин Кудеяр в карман и вытаскивает оттуда грязный комок - ириски. Все смялись, все в пыльной трухе перевалились... Сует Петьке.

- На, - говорит, - возьми гостинчика!

А Петька рукой отстраняет.

- Не надо мне, - говорит. - Уйдите, пожалуйста.

И легонько рукой Кудеяра в грудь. А Кудеяр в амбицию.

- Что? - говорит. - Уйдите? Это я - уйдите? А часики ты мне отдашь?..

Вор несчастный!

Вдруг как заголосит:

- Мамочки! Люди добрые! Ратуйте! Ограбил меня малолетний подлец!

Часы

украл! Мам-мочки!

И ирисками в Петьку. В глаз.

Схватился Петька за глаз. И вон из зала. А навстречу Федор Иваныч.

- Что такое? - спрашивает. - Что такое случилось?

А уж вся публика повскакала, Кудеяра стеной окружила.

Бузит Кудеяр, толкается, орет благим матом:

- Мамочки! - орет. - Ограбил! Ограбил!

Заспешил Федор Иваныч.

- Что такое? - спрашивает. - К кому это такой?

- Ко мне, - отвечает Петька. И глаза опустил. - Ко мне это. Дядя мой.

Из сумасшедшего дома. Не пускайте его больше, пожалуйста.

Вывели гражданина Кудеяра. Кричал он, ругался, толкался, но вывели все-таки...

А Петька с тех пор загрустил. О часиках стал думать. Так и забыл уж о них с ученьем-то, а тут снова...

Часто во двор стал выходить, дрова оглядывал. Много еще дров, далеко еще до места, где часики спрятаны.

Грустил Петька. Вздыхал. Однако утешал себя.

Бывало, подумает:

"Это еще ничего, что дрова. Дрова - пустяки. Могли на этом месте дом

четырехэтажный построить..."

И от таких мыслей легче становилось.

А на дворе уже холодно было - осень.

И вот снег выпал. Сразу густой такой снег - по колено. Весь двор завалило, без лопаты пройти невозможно.

За обедом вошел в столовую Федор Иваныч и сказал:

- Зима, ребятки!..

И все в ладоши захлопали и закричали:

- Зима! Зима!

А Федор Иваныч походил по столовой, остановился и говорит:

- Так, - говорит. - Зима наступила... А у нас ведь, ребятки, дрова на дворе. Как вы думаете? Погибнут ведь дрова без покрышки. Недурно бы,

говорит, - их в сарай перетаскать. Как вы думаете? Не устроить ли нам субботник?

- Субботник! Ура! - закричали ребята и снова в ладоши захлопали.

И больше всех Петька кричит и больше всех хлопает.

Загорелся Петька.

Не успели обед кончить, Петька:

- Дрова таскать!

И вскочил.

- Дрова таскать! - закричали ребята.

И все, кое-как одевшись, - во двор. И по чистому снегу - к дровам.

Стали дрова таскать. Стали по три человека над каждым поленом кряхтеть.

А Петька и тут на первом месте... Суетится, командует.

- В цепь! - кричит. - В живую цепь валяй! Перекидом!..

Стали ребята цепью через двор к сараю, - живо работа закипела. Один другому полено передает - раз-раз! Машина.

А Петька и тут с подначкой!

- Живо! Поднажми!

И все удивляются:

- Что случилось с парнем? Откуда такой работник?

Но живо ребята работают. В сарае поленница за поленницей растет.

И вот уж кричат на другой конец первые в цепи.

- Хватит! - кричат. - Полно.

Опешил Петька:

- Как то есть полно?

Побежал в сарай - и верно... До самых дверей набит сарай дровами - полена не впишешь.

Застыл Петька. А дров на дворе еще прорва. Саженей тридцать.

Выскочил откуда-то Федор Иваныч.

- Ничего, - говорит. - Так. Ничего... Это мы за зиму сожжем. Спасибо,

ребятки!

И Петьку по плечу:

- Спасибо, товарищ Петя. Постарался.

А Петька рукой махнул и пошел... Обидно.

В тот же день вечером шус устроил общее собрание. Выбирали старосту по

хозяйственным делам. И на собрании чернявенький Миронов встал и предложил

выбрать Петьку.

- Предлагаю, - сказал, - выбрать его по следующим данным. Парень активный и в работе горячий. Сами сегодня видели, как он с дровами орудовал.

Ведь это он субботник наладил. Он организовал.

Проголосовали и выбрали Петьку старостой.

И стал Петька старостой по хозяйственным делам.

Сначала смешно было.

Ходит Петька с ключами, словно купец на базаре. Тетрадку за пазухой носит. Химический карандаш на веревочке. Фартук...

Ходит и прямо не знает, что делать. Что такое нужно предпринять?..

Но дело дали.

Дела на Петьку поднавалили - вздохнуть нельзя. Туда-сюда, налево-направо, - мало ли дел в интернатском хозяйстве?

Незаметно дни идут.

Петька ходит с ключами.

А за Петькой ребята:

- Петя Валет, отпусти вермишели к обеду!

- Петя Валет, мыла давай!

- Петя Валет, белье!..

- Петя Валет, ситный!..

- Дров гони, товарищ Петя Валет!..

И Петька все выдает, все принимает, все отпускает и химическим карандашом в синей тетрадке все пишет, все пишет...

Такой сознательный стал - смех!

А дров Петька не жалеет. С большой охотой дрова отпускает.

- Вязанку?.. Пожалуйста. Две?.. Еще лучше.

Никогда до этого раньше в приюте Клары Цеткин не было такой жары.

Прямо

зной. Прямо горячий полок в бане, а не класс "Б".

А ребята все продолжают:

"Саша у Маши, а Маша у Саши. У Саши Маша, у Маши Саша..."

А Петька над синей тетрадкой сидит, слюнявит огрызок химический и потеет.

- Три четверти фунта, да четверть, да еще полфунта, да пять осьмушек.

Сколько это?

Это - дробь. А дроби проходят в классе "Г", где Миронов.

Вот поймал Петька снова Миронова и говорит:

- Мне, - говорит, - в ваш класс перейти необходимо. До зарезу... Я, - говорит, - согласен на предметы нажать, только ты мне помоги!

- Ладно, - сказал Миронов. - Помогу.

И стал заниматься с Петькой. И так это быстро у них дело пошло, что уже к Новому году нагнал Петька класс "Г".

И перешел в милюновский класс.

Но тут опять неприятность вышла.

Неприятность вышла в марте месяце, в день Парижской коммуны.

В тот день светило румяное зимнее солнце и под ногами хрустел снег.

В тот день приют Клары Цеткин ходил в городской сад на могилу жертв революции.

Ребята шли бодро, смеялись и пели:

Смело, товарищи, в ногу...

И Петька со всеми пел и со всеми смеялся.

А когда подходили к городскому саду, попался навстречу пьяный.

Качался

он, поднимал руки и пел хриплым голосом:

Мать красавица-старушка,
Сына блудного пр-рими!..

Ребята смеялись стали. Снегом стали бросать в пьяного. А Петька поглядел и узнал: гражданин Кудеяр.

И как узнал, испугался и спрятался за чью-то спину. Идет согнувшись и варежками лицо закрывает.

А ребята пьяного повалили и снегом лицо ему набивают. Визжит Кудеяр,

чертыхается и красным носом мотает.

И вдруг Петьке пьяного жалко стало. Что с ним случилось, - только выскоцил он из рядов и закричал:

- Ребята! - закричал. - Оставьте!

И все перестали смеяться. И снег бросили.

А Кудеяр Петьку узнал и заорал:

- Мошенник! Часы украл!

И Петька пошел, опустив голову, и все удивлялись, почему он больше песен не поет.

А Петьке стыдно было. Стыдно было, что у пьяного часы украл. Сам удивился: что за черт? Что такое случилось? Откуда такое - стыд?..

Непонятно!..

...А время шло, весна подходила, снег таял, и вместе со снегом дрова на дворе таяли.

Вышел раз Петька во двор, поглядел, а там дров совсем пустяки - сажени две.

Испугался Петька.

"Ох, - думает, - скоро уж! Скоро копать надо".

В тот же день встретил Петька в коридоре Федора Иваныча и говорит:

- Весна, Федор Иваныч, подходит. Тепло уж становится. Пожалуй, можно

и

не топить в классах? А?

- Так, - сказал Федор Иваныч. - Можно и не топить.

И стал Петька дрова экономить. Скупо стал отпускать дрова. На кухню только. На прачечную.

И каждое полено считал.

И все удивлялись.

Миронову тетка из Новочеркасска три рубля прислала. Было это на вербной

неделе. Вот Миронов Петьке и говорит:

- Пойдем в воскресенье на вербу? Гулять...

Дождались воскресенья, у Федора Иваныча отпросились и зашагали.

На

вербный базар.

Очень было тепло. Снег таял. И люди на вербе все веселые были, смеялись, шумели, толкались. Музыка играла.

Вокруг разные сладости продавались - коврижки разные, вафли, халва...

И Миронов всего понемножку покупал и Петьку угождал.

Так до вечера грязь промесили, а вечером засветились огни, громче заиграла музыка и закрутились карусели.

У каруселей Миронов сказал:

- Прокатимся?

- Не стоит, - сказал Петька. - Нет. Лучше на эти деньги купим стрючков.

- Купим, - сказал Миронов. - Хватит денег... Купим и стрючков.

- Ну ладно, - сказал Петька. - Только давай на лошадей, а не в лодку.

Остановилась карусель, бросился народ занимать места. Петька с Мироновым вперед, а уже все лошади заняты. Свободна одна только лодка

на

четыре места. Два места девчонки какие-то заняли, два свободных...

- Лезем! - сказал Миронов. - Все равно... Лезем!

Ничего не попишешь - полез и Петька.

Вот заиграла музыка, и поплыла лодка. Все шибче и шибче... Все круче и

круче... Мелькают вокруг фонари. Мелькают белые рожи. Лихо.

Сняли ребята шапки и шапками машут. А девчонки напротив пищат.

Одна, высокая, рыжая, глазами мигает, а поменьше, белокуренькая, прижалась к ней и:

- Ох! Ах!

Смешно ребятам. Ребята девчонок дразнят.

- Трусихи! - кричит Миронов.

- Кролики! - задирает Петька.

А девчонки тоже спуску не дают:

- Сами кролики!

И смеются, кривляются.

Вот остановилась карусель, выскочили девчонки вон.

И ребята выскочили. Миронов Петьке и говорит:

- Давай познакомимся?

- Что? - говорит Петька.

А уж Миронов девчонок догнал и, как большой:

- Разрешите с вами познакомиться?

Рыжая мигает глазами и говорит:

- Пожалуйста! - говорит. - С удовольствием.

А белокуренькая молчит. И Петька молчит.

Пошли тут всей компанией гулять. В две пары. Впереди Миронов с рыжей, а

сзади Петька с белокуренькой. Миронов семечек купил и девчонок угождает.

И

все время говорит и разные шуточки произносит. А Петька молчит. Не знает

Петька, о чем говорить с белокуренькой. А белокуренькая грустная какая-то,

все думает и семечки как-то клюет, как птица.

Вот Петька и спрашивает:

- Что это вы все думаете? О чем?

- О разном, - отвечает белокуренькая. И улыбнулась: - А вы о чем?

И Петька ответил, что думает тоже о разном. Потом спросил, как белокуреньку зовут.

- Наташа...

- А меня Петр.

И разговорились.

Наташа даже смеяться стала. Даже семечки стала клевать веселее.

Петька говорит:

- Вы на коньках, Наташа, умеете ездить?

- На коньках?.. Летом?.. Ха-ха... Зимой-то я прошлую зиму каталась... И даже не худо. Возле нашего дома напротив коммунальный каток.

- А где вы живете?

- Там... Недалеко...

И к Петьке:

- А вы где?

- Я-то?

И Петька вдруг растерялся:

- Я-то? Я - в детдоме.

- В каком?

- В дефе... ративном.

- Это что значит - деферативный?

- Это... такой... особенный. Для особо нормальных детей.

- Для сирот?

- Ну да. Для круглых.

- Вы - круглый?

- Круглый. Ни отца, ни матери. Ни даже тетки. А вы?

- У меня... отец. То есть... нет, то есть... да.

Опять закраснелась Наташа.

"Что за черт?" - думает Петька.

Удивляется Петька.

И дальше идут.

Так незаметно до позднего вечера прошатались. Семечек одних фунта
два склевали.

Уж темно совсем стало, огни погасли, взошла луна.

Тут девчонки встрепенулись:

- Пора домой идти.

Распрощались и пошли.

И Петька с Мироновым до самого приюта про девчонок говорили.

- Хорошие девчонки.

Долго стучались в калитку. Долго за оградой лаял Король и гремела цепь.

Наконец косоглазый дворник Иван открыл калитку. Зевал и ругался.

По двору шли, и вдруг Миронов сказал:

- Гляди-ка!.. Дрова кончились!.. Ловко! Теперь можно в лапту играть.

Поглядел Петька, - так и есть - кончились дрова. Очистился двор от забора до забора.

- Верно, - сказал Петька. - Можно в лапту играть.

Всю ночь не спал Петька. Все думал и все обсуждал.

И ранним утром оделся Петька и вышел во двор.

Холодно было, туманно, и пахло землей, и за оградой на тополях орали галки. Ежился Петька, ходил вдоль забора и глядел в окна.

Окна румянились чуть и блестели, как в речке вода. За окнами тихо было.

Ходил Петька вдоль забора и прутик искал. Прутика не было: всюду кора валялась, щепки и лык лохматый.

Прутика не было, но место Петька отлично нашел. Стал у забора и вспомнил:

"Вот здесь воспитатель сидел и книжку читал. Вон там ребята в рюхи играли. Вот тут я..."

Огляделся Петька, сел на корточки и щепкой стал ковырять землю. Ямку глубокую до локтя вырыл, - руку засунул: так и есть. Сцепали пальцы скользкий узелок. Сжал Петька узелок и поднялся. И, зашвыряв щепками яму, быстро пошел в приют.

А в коридоре сел на окно и, отдохнувшись, развязал узелок.

Чистокровное золото за год не потускнело: по-старому солнце горело у Петьки в руках. Но меньше показались Петьке часы. И легче. Легкие, легкие...

Даже страшно.

Задумался Петька, поежился.

К уху приставил часы - молчат. Крышки открыл - стоят.

Черные стрелки стоят на без двадцати восемь.

И вдруг еще страшнее Петьке стало.

"Как же это? - думает. - Что же это? Столько времени прошло, год целый прошел, а часы на час не продвинулись?"

Солнце в окно ворвалось. Испугался Петька и сунул часы в карман. И сразу тяжелые стали часы. Карман оттянуло, и стало неудобно ноге.

Пошел Петька по коридору. А навстречу Рудольф Карлыч идет. Улыбается. И

солнце на белом халате. И кочерга в руке.

- Здравствуй! - говорит. - Доброе утро. Идем со мной печка топить? Нет?

- Нет! - сказал Петька. - Мне в экономию надо... Хлеб вешать.

И пошел хлеб вешать.

Но не убежал Петька. Нет... Это прошлым летом он мечтал убежать, а теперь... Теперь совсем другое.

Другие дела на уме у Петьки. И странно даже подумать: как это так бежать?

Но на руках у Петьки часы. На руках у него этот проклятый драгоценный предмет.

И нужно подумывать, что и как!..

Носит Петька часы день, другой - и все думает, все размышляет, куда бы часики деть.

Бросить хотел часы - пожалел: глупо. Самое лучшее - Кудеяру отдать. Да где его возьмешь, - не приходит больше гражданин Кудеяр. Ни слуху о нем, ни духу.

Так и страдал Петька и носил с собой эти ненавистные часы.

А в середине лета стали в приюте красить крыши.

Вот призвал раз Федор Иваныч Петьку и говорит:

- Сходи, - говорит, - пожалуйста, на улицу Ленина, в Губжир. Купи зеленой краски.

Дал Петьке денег, пошел Петька в Губжир.

Идет мимо базара. Старое вспоминает. Разные случаи вспоминает: гири, пампушки, селедки.

И вдруг слышит свист. Бегут люди.

Бегут по базару люди и дико орут:

- Лови его! Во-ор! Лови!..

Побежал и Петька. И видит, за кем бегут. Бегут за лохматым парнишкой.

Парнишка бежит, оглянулся - мелькнул перед Петькой завязанный газ.

- Пятаков! - крикнул Петька и шибче бежать припустился.

А Пятаков бежит хорошо.

Толпа уж давно позади осталась, один только Петька вдогонку бежит. И кричит:

- Пя-та-ко-ов!

И вот догнал.

Схватил за плечо Пятакова и:

- Стой! Не уйдешь!..

А Пятаков увернулся и Петьку - под грудки.

- Дурак! - закричал Петька. - Дурак! Не дерись.

Отскочил Пятаков и смотрит на Петьку. И весь дрожит.

А Петька:

- Ну что? Не узнал?

- Нет, - сказал Пятаков, задыхаясь.

- В приюте... Помнишь?

- А, - сказал Пятаков, - помню. Обжора...

И дальше пошел. И все дрожит.

А Петька за ним:

- А дрова помнишь?

- Какие дрова?.. Помню... Ну что ж?

И дальше, дальше бежит Пятаков. И все стороной, все переулками-закоулками... К Слободе, на окраину города.

Петька за ним:

- Пятаков!

- Что тебе?

- Пятаков, подожди, не беги.

Стал Пятаков. Отдышался:

- Ух... Черт возьми... Что, говорю, тебе?

- Помнишь дрова?

- Помню. Ну что ж?

- Обидно?

- Что?

- Прости, - говорит Петька. - Я виноватый во всем.

И стал Пятакову рассказывать насчет дров. А Пятаков хохотать начал. И так хохотал, что повязка его на нос сползла.

- Дурак! - говорит. - Да разве ты виноват?.. Ведь сам я... Ведь я в ту ночь шестнадцать поленьев торговкам на кордон перетаскал.

- Врешь! - изумился Петька. - Врешь!.. Неужели верно?..

- Верно. Шестнадцать поленьев. А ты думал что, я за милую душу в реформу пошел? Нет, брат, нас на испуг не возьмешь.

Удивляется Петька:

- Так, значит, тебе не обидно совсем? И в приют не хочется?

- В приют?

Усмехнулся Пятаков. И говорит важно:

- Я, брат, в тюрьме побывал. А кто в тюрьме побывал, тому в приюте с детишками делать нечего. Понял?

Щелкнул Петьку по лбу и пошел качаясь.

Пошел качаясь и вдруг обернулся.

Обернулся и, бледный, лохматый, на Петьку идет. И сверкает своим одиноким глазом.

А Петька, конечно, подходит спокойно. У Петьки совесть чиста.

- Что? - говорит.

- То, - говорит Пятаков и на Петьку надвигается. - То, - говорит. -

Гони часы!

И - раз по плечу Петьку:

- Ну?!

Чуть на землю Петька не сел. Закачался. Закланялся. В глазах у Петьки стали мелькать заборы, дома, фонари и одноглазые Пятаковы. Язык онемел

у

Петьки.

- Ну? - повторил Пятаков. - Не слышишь? Часы гони.

- Ка-ка... - сказал Петька, - ки-ки... Ка-ки-кие часы?

- Такие, - сказал Пятаков и вдруг, наклонившись к самому Петькиному лицу, быстро-быстро зашептал: - Ты думаешь, я не знаю? Нет! Я, брат, знаю.

Мне Кудеяр все рассказал... Под чистую. Мы с ним полгода в тюрьме отсидали

вместе. Да. Он и сейчас за пьянку отсиживает. Да. Он мне все рассказал. Все знаю. Все мне известно. Гони часы. Слышишь?

И тут Пятаков хватает Петьку за грудь, а другою рукой он хватает его за горло и шипит:

- Слышишь? Гони часы... А не то... Только пикни!

И пальцами жмет Петькино горло. И грязный кулак пихает Петьке прямо под

чистый нос.

А Петька уж лезет в карман. И щупает там часы. Хочет их вытащить вон и

отдать Пятакову. И даже торопится. Даже спешит поскорей отдать часы Пятакову.

Но тут раздаются крики, свистки, улюлюканье, топот. Из-за угла вылетает милиционер. За ним бабы. За бабами еще разные люди.

- Ага! - орут. - Вота он! Ло-ви-и!

И - шасть к Пятакову. Хвать Пятакова за шиворот. Бух на землю!

- Вор-р! Бей!!!
Петъка едва убежал.

Идет Петъка дальше, в Губжир. И снова идет по базару. По самим рядам, где торгуют пампушками и селедками. Где пахнет мукой и овощами. Но грустный

Петъка плетется. Унылый. Со злостью сжимает в кармане часы и думает:
"Господи! - думает. - За что мне такая обуза? За что мне такое несчастье в кармане носить?!"

А вокруг и гудит и шумит. Солнце по всей бараходке гуляет. Люди толкаются. Баян гудит. Птицы гогочут в клетках. Нищие песни орут. Весело!

Но Петъке не радостно. Петъку и солнце не радует. И нищие даже не радуют. Грустный Петъка идет.

Вдруг Петъка увидел девчонку. Девчонка стояла в рядах и что-то держала в руке. Какую-то вещь.

Какую-то вещь она продавала сухощавому дядьке в очках.

Петъка узнал Наташу. Это Наташа, с которой Петъка на вербе гулял, белокурая, продавала теперь какую-то вещь сухощавому дядьке.

Петъка обрадовался. Петъка даже очень обрадовался. Он стал толкать направо и налево людей и подошел к Наташе.

Рыжий в очках, что-то бурча под нос, отошел.

- Наташа, здорово! - сказал Петъка. - Чем торгуешь?

Наташа взглянула, ахнула и сунула руку в карман.

- Что ты? - сказал Петъка. - Чего испугалась? Боишься? Краденым торгуешь, что ли?..

- Нет, не краденым, - сказала Наташа.

- А что? Что это у тебя в руке? Покажи.

- Не покажу. Что тебе?

- Покажи. Интересно.

- Не покажу.

- А! Краденое, значит. Веник в бане украла или фантиков восемь штук?

Да?

Наташа молчала.

- Или, может быть, чулки у покойной бабушки стилибондила? Да? Или отца-старика ограбила?

Наташа вдруг покраснела. Вдруг, чуть не плача, она сказала:

- Я не ограбила. Он сам велел мне продать. Он письмо мне прислал. На, погляди! "Краденое"!

Наташа сунула Петъке в лицо ладонь. На ладони лежала цепочка. На цепочке болтались брелочки, бренчали собачки и слоники, и посреди всего

колыхался - зеленый камень-самоцвет в виде груши.

Петъка совсем закачался и чуть не упал. И так он устал, и еще Пятаков его бил под грудки, а тут он совсем опупел. Тут он взял цепочку и долго

смотрел на нее.

Потом сунул руку в карман и вынул часы. И быстро неловкими пальцами

нацепил часы на цепочку и подал Наташе:

- На!

Наташа ахнула и едва подхватила часы.

А Петька - раз! - повернулся и - бегом через шумный базар. Через мост, через площадь, по улице...

И побежал без оглядки.

В Губжир побежал. За зеленой краской.